

"Судебная Цусима"

Весной 1911 г. в Киеве был найден труп подростка Андрея Ющинского. По этому делу был арестован местный еврей-приказчик Менахем Мендель Бейлис, обвинённый в убийстве с ритуальной целью. Это обвинение вызвало мощный общественный отпор, в котором объединились не только "левые" и либералы, но даже и часть "правых". Судебный процесс проходил в сентябре–октябре 1913 г. Бейлиса бесплатно защищали пять знаменитых адвокатов. Полиция и судьи (не говоря уже о прокуратуре) явно стремились к осуждению Бейлиса. Вердикт "не виновен", вынесенный присяжными, был воспринят многими как поражение царской власти.

Сопоставьте дело Бейлиса и дело Веры Засулич (дополнительное чтение к главе 3). Чем процесс над Бейлисом и его результаты отличаются от процесса над Засулич?

К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев ¹

Ноябрь 1911

Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия, мы поднимаем голос против новой вспышки фанатизма и темной неправды.

Истари идет вековечная борьба человечности, зовущей к свободе, равноправию и братству людей с проповедью рабства, вражды и разделения. И в наше время, – как это бывало всегда, – те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа, всего настойчивее будят в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти.

Не уважая ни народного мнения, ни народных прав, готовые подавить их самыми суровыми мерами, – они льстят народным предрассудкам, раздувают суеверие и упорно зовут к насилиям над иноплеменными соотечественниками.

По поводу еще не расследованного убийства в Киеве мальчика Ющинского в народ опять кинута лживая сказка об употреблении евреями христианской крови. Это – давно известный прием старого изуверства. (В первые века после Рождества Христова языческие жрецы обвиняли христиан в том, будто они причащаются кровью и телом нарочно убиваемого языческого младенца. Так объясняли они таинство евхаристии). Вот когда родилась эта темная и злая легенда. Первая кровь, которая пролилась из-за нее, по пристрастным приговорам римских судей и под ударами темной языческой толпы, – была кровь христиан.

И первые же опровергали ее отцы и учителя христианской церкви. «Стыдитесь, – писал св. мученик Иустин в обращении своем к римскому сенату: – стыдитесь приписывать такие преступления людям, которые к ним не причастны. Перестаньте! Образумьтесь!»

«Где же у вас доказательства? – спрашивал с негодованием другой учитель церкви Тертуллиан. – ...Одна молва. Но свойства молвы известны всем... Она почти всегда ложна... Она и жива только ложью... Кто же верит молве?»

Теперь лживость молвы, обвинявшей первых христиан, ясна, как день. Но изобретенная ненавистью, подхваченная темным невежеством, нелепая выдумка не умерла. Она стала орудием вражды и раздора даже в среде самих христиан. Доходило до того, что в некоторых местах католическое большинство кидало такое же обвинение в лютеран, большинство лютеран клеймило им католиков.

Но всего более страдало от этой выдумки еврейское племя, рассеянное среди других народов. Вызванные ею погромы проложили кровавый след в темной истории средних веков. Во все времена случались порой убийства, перед целями которых власти останавливались в недоумении. В местах с еврейским населением все такие преступления тотчас же объяснялись обрядовым употреблением крови. Пробуждалось темное суеверие, влияло на показания свидетелей, лишало судей спокойствия и беспристрастия, вызывало судебные ошибки и погромы...

Часто истина все-таки раскрывалась, хотя и слишком поздно. Тогда наиболее разумных и справедливых людей охватывали негодование и стыд. Многие папы, духовные и светские правители, клеймили злое суеверие и раз навсегда запрещали властям придавать расследованию убийств вероисповедное значение.

¹ Автор обращения «К русскому обществу» – известный писатель начала XX века Владимир Галактионович Короленко. Оно было опубликовано 30 ноября 1911 года в кадетской газете «Речь» и перепечатано многими другими печатными органами в период подготовки к процессу Бейлиса. Вышло отдельным изданием в 1912 г.

У нас такой указ был издан 6-го марта 1817 г. императором Александром I.

В 1870 г. греческий патриарх Григорий тоже осудил легенду об употреблении евреями христианской крови, назвав ее «внушающим отвращение предрассудком не твердых в вере людей».

Но указы тлеют в архивах, а суеверия живучи. И вот, снова, даже с трибуны Государственной Думы, распускают старую ложь, угрожающую насилием и погромами.

В этой лжи звучит та самая злоба, которая некогда кидала темную языческую толпу на первых последователей христианского учения. Еще недавно в Китае та же сказка об употреблении детской крови, пущенная китайскими жрецами против миссионеров, стоила жизни сотням местных христиан и европейцев. Всегда за нею следовали темные и преступные страсти, всегда она стремилась ослепить и затуманить толпу и извратить правосудие...

И всегда с нею боролось чувство любви и правды. Не к одному римскому сенату были обращены слова христианского писателя, мученика Иустина, который в свое время боролся с тем же суеверием:

«Стыдитесь, стыдитесь приписывать такое преступление людям, которые к тому непричастны. Перестаньте, образумьтесь!»

Мы присоединяем свои голоса к голосу христианского писателя, звучащему из глубины веков призывом к любви и разуму.

Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обгадилась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!..

[Более сотни подписей писателей, академиков, профессоров, депутатов Госдумы и других граждан; из самых известных – Д. Мережковский, Александр Блок, Александр Бенуа, М. Туган-Барановский, Ф. И. Родичев, В. Д. Набоков, Петр Струве, П. Милоков, В. И. Немирович-Данченко]

http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Korol_Beilis.htm
(Проект: Частное собрание Леона и Нины Дотанов)

В. В. Шульгин².

Передовая статья в газете "Киевлянин".

Сентябрь 1913

Как известно, обвинительный акт по делу Бейлиса есть документ, к которому приковано внимание всего мира. Со времени процесса Дрейфуса³ не было ни одного дела, которое бы так взволновало общественное мнение.

Причина тому ясна. Обвинительный акт по делу Бейлиса является не обвинением этого человека, это есть обвинение целого народа в одном из самых тяжких преступлений, это есть обвинение целой религии в одном из самых позорных суеверий.

При таких обстоятельствах, будучи под контролем миллионов человеческих умов, русская юстиция должна была быть особенно осторожной и употребить все силы, чтобы оказаться на высоте своего положения. Киевская прокуратура, взявшая на себя задачу, которая не удавалась судам всего мира в течение веков, должна была понимать, что ей необходимо создать обвинение настолько совершенное, настолько крепко-кованое, чтобы об него разбилась колоссальная сила той огромной волны, что поднималась ему навстречу.

Не надо быть юристом, надо быть просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который любой защитник разобьет шутя. И невольно становится обидно за киевскую прокуратуру и за всю русскую юстицию, которая решилась выступить на суд всего мира с таким убогим багажом.

Но разбор обвинительного акта не входит в задачу этой статьи. Сейчас на нас лежит иной долг, тяжкий долг, от которого, однако, мы не можем уклониться.

Мы должны сказать о том, при какой обстановке создан этот обвинительный акт по делу Менделя Бейлиса.

² Шульгин Василий Витальевич (1878–1976). Сын профессора, монархист, антисемит, один из ведущих журналистов газеты русских националистов "Киевлянин". Сторонник Столыпина. Член II, III и IV Государственных Дум. За приводимую ниже статью осужден на 3 месяца тюрьмы (наказание снято после ранения на фронте).

³ Дело, связанное с обвинением офицера французской армии Дрейфуса в государственной измене (1894). Хотя настоящий виновник был выявлен быстро, Дрейфуса оправдали только в 1906. Дело это, сфабрикованное высшими государственными служащими, имело явную антисемитскую подоплёку.

Убийство Ющинского, загадочное и зверское, вызвало к жизни вековое предание о том, что евреи для своих ритуальных целей время от времени замучивают христианских детей. Эта версия убийства, естественно, взволновала еврейское население. А в некоторых слоях русского населения и в политических кругах стали опасаться, что евреи собьют полицию и следствие с истинного пути.

Как крайнее выражение этих опасений явился запрос правых в Государственной думе, обвинявший киевскую полицию в сокрытии истинного характера убийства под давлением евреев. При обсуждении этого запроса член Государственной думы Замысловский дошел до утверждения, что евреи только в тех местностях совершают ритуальное убийство, где им удалось подкупить полицию. И что самый факт совершения ритуального убийства в какой-либо местности уже свидетельствует о том, что полиция в этой местности подкуплена...

Конечно, евреи не так бессмысленны, чтобы положиться на полицию в столь опасном деле. Для сокрытия злодеяния, раскрытие которого грозило по меньшей мере повторением Кишинева, они, конечно, не остановились бы на околоточном, а пошли бы гораздо дальше. А потому Замысловский непоследовательно остановился на полдороге. Надо было идти дальше, надо было бросить обвинение в сокрытии ритуальных злодеяний против судебного следователя, против прокурора окружного суда, против прокурора палаты.

Замысловский этого не сделал. Но, по-видимому, эта мысль, затаенная, но гнетущая, привилась, дала ростки. Боязнь быть заподозренным в каких-то сношениях с евреями оказалась для многих непосильным душевным бременем. И мы знали мужественных людей, которые смеялись над бомбами и браунингами, но которые не смогли выдержать гнета подобных подозрений. И как это ни странно, но заявление Замысловского оказало самое решительное давление на киевскую прокуратуру.

По крайней мере, прокурор Киевской судебной палаты Г. Г. Чаплинский стал действовать так, будто единственной целью его действий было убедить Замысловского, что он, прокурор палаты, чист как стекло, в этом отношении.

Версию о ритуальном убийстве Ющинского не легко было обосновать на каких-нибудь данных. Начальник киевской сыскной полиции Е. Ф. Мищук отказался видеть в изуверствах, совершенных над мальчиком Ющинским, ритуальный характер.

Устранив 7 мая 1911 года Мищука, заподозренного в подкупе его евреями, судебная власть призвала на помощь жандармского подполковника П. А. Иванова, а этот последний пригласил известного сыщика Н. А. Красовского.

Но Красовский, как и его предшественник Мищук, тоже решительно отверг ритуальный характер убийства и приписывал преступление шайке профессиональных негодяев, группировавшихся около Веры Чеберяк. В этом направлении Красовским было произведено серьезное расследование, результаты которого были доложены прокуратуре.

Когда точка зрения Красовского выяснилась, он, как и Мищук, был устранен от дела и так же, как и против Мищука, против Красовского было выдвинуто какое-то обвинение, – он был предан суду.

Когда таким образом два начальника сыскных отделений были устранены, дело пошло...

Вся полиция, терроризированная решительным образом действий прокурора палаты, поняла, что если кто слово пикнет, то есть не так, как хочется начальству, будет немедленно лишен куска хлеба и, мало того, посажен в тюрьму. Естественно, что при таких условиях все затихло и замолкло, и версия Бейлиса стала царить «рассудку вопреки, наперекор стихиям», но на радость господину прокурору палаты...

Однако мы убеждены, что и в среде маленьких людей найдутся честные люди, которые скажут правду даже перед лицом грозного прокурора. Мы утверждаем, что прокурор Киевской судебной палаты тайный советник Георгий Гаврилович Чаплинский запугал своих подчиненных и задушил попытку осветить дело со всех сторон.

Мы вполне взвешиваем значение слов, которые сейчас произнесли. Мы должны были их сказать, мы имеем право говорить и будем говорить...

Владимир Бонч-Бруевич ⁴.**[Впечатления от судебного процесса по делу Бейлиса]**

Знает ли Россия какой-либо иной процесс, за которым с таким напряженным вниманием следили все не только у нас, но и в Западной Европе и Америке? Отчего к этому делу такое исключительное внимание всех?

Люди, помешанные на евреях, конечно, думают, что это дело раскричали они, «евреи». На самом же деле совершенно иные причины заставили всколыхнуться весь мир. Современное культурное человечество не хочет и не может мириться с мыслью, что имеется хоть тень какого-либо основания предполагать, что в XX веке, когда люди побороли атмосферу, когда действуют беспроволочные телеграфы, ради и икс-лучи, когда политическая и социальная жизнь во всех странах, даже самых отсталых, так сильно шагнула вперед, среди нас живут и ходят людоеды, кровопийцы, нуждающиеся в человеческой крови для божественных жертвоприношений... Нет, этого нет и не может быть!.. Вот почему равно во всех частях света и светские и духовные лица, и ученые, и литераторы, и рабочие, и капиталисты, и короли, и представители самых крайних политических партий, и проповедники, и артисты, и писатели – все, все как один, каждый по мере сил своих, кричат, что есть силы, что нет и нет того, что вы, господа черносотенцы, любители политических махинаций, так тщательно, но тщетно хотите утвердить в жизни. И я убежден, что по мере того, как этот процесс будет подвигаться все вперед и вперед, общественная совесть будет еще более обеспокоена, и она властно и твердо везде и всюду потребует одного решения, согласного с истиной.

Представители прессы не только русской, но и иностранной внизу и наверху заняли места, битком набившись всюду, где только можно... Телеграф работает так, как никогда, кажется, еще не работал в Киеве. Какое-то лихорадочное чувство охватывает всех. Все волнуются, все чувствуют, что это не простой уголовный процесс, а нечто значительное и важное. Не о Бейлисе идет здесь речь, а о целом еврейском народе, и не только о нем, но и о всей русской культуре...

Я не знаю другого процесса, в котором такую огромную роль сыграла бы пресса своим ежедневным газетным обстрелом всего цивилизованного мира, который мы наблюдали в эти знаменательные тридцать пять дней. Десятки корреспондентов с энергией и нервностью, присущей представителям этой профессии, без устали, с утра до ночи, проводившим в стенах суда, через телеграф, телефон, почту, кондукторов железных дорог, частных и нарочных курьеров, разносили по всему свету сведения о малейшем зигзаге, о малейшем изменении в ходе процесса, в настроении публики, защитников, судей, прокурора, присяжных... <...>

Я хорошо помню то смятение, почти ужас, который охватил черные ряды представителей мракобесной печати, когда разнесся сначала робкий слух, быстро окрепший, нашедший какие-то подтверждения и покотившийся, наконец, повсюду, как сама истина, слух о том, что Сингаевский ⁵ сознался в тюрьме, что именно он и есть убийца Андрея Ющинского, и что он сейчас здесь, на суде, открыто признается в этом.

Ах, как забегали эти столь официально серьезные, надутые, осанистые люди и людишки, приехавшие туда, в Киев, представлять из себя «истинно-русское мнение» русского народа, которому в сущности нет никакого дела до этих ставленников черносотенной печати, субсидируемой царским правительством.

– Неужели, неужели это случится?.. Неужели он сознается?.. – волновался один из сей «стаи славных».

– Ведь это ужасно!..

– Что собственно ужасного видите вы в этом? – ответил ему один из весьма хладнокровных политиков. – Почему же? Это будет очень хорошо...

– Ах, да, вы все о справедливости, невинный не будет осужден, истина восторжествует...

– Ну, конечно, это будет только всем приятно.

– А чёрт с ним, с этим подсудимым, будет он в каторге или на воле – мне безразлично!..

– Как? А что же для вас важно?..

– Ри-ту-а-ла, понимаете, ри-ту-а-ла не будет, вот что ужасно!.. Нам нужен ритуал во что бы то ни стало...

⁴ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955). Младший брат царского генерала, собиратель материалов по истории старообрядцев и религиозных сект, большевистский публицист и издатель.

⁵ Один из членов банды Веры Чеберяк.

– Ну, знаете, – ответил хладнокровный политик, – такой нужды я не только не понимаю, но и говорить о ней не хочу...

<...> Не раз во время процесса среди нас, журналистов, там присутствовавших, поднимались споры о значении и смысле этого процесса и всегда с кристаллической ясностью обнаруживались сейчас же не только все симпатии и антипатии тех или иных политических групп, но даже оттенки политической мысли ярко звучали и в речах, и, конечно, в сообщениях всей пишущей братии, присутствовавшей там, в Киеве, в эти страдные дни дела Бейлиса: такое, несомненно, политическое значение имеет этот исключительный процесс.

Но я должен отметить, что общая беда и несчастье, обрушившиеся на культурную Россию вместе с этим процессом, дали возможность найти некоторые плоскости, объединившие, конечно, на время, и даже на короткое время, многие и многие прогрессивные и демократические элементы прессы, элементы народа и общества.

Бонч-Бруевич В.Д. Знамение времени. Убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса (Впечатления Киевского процесса). М., 1921.
http://az.lib.ru/b/bonchbruewich_w_d/text_0030.shtml
(Проект: Библиотека Максима Мошкова)

Короленко В. Г.

Господа присяжные заседатели (статья вторая) ⁶.

Октябрь 1913

В прошлой статье я говорил о поразительном и резком отступлении от среднего интеллектуального и образовательного уровня состава присяжных, судящих Бейлиса. <...> Говорят, что если бы просмотреть списки присяжных на всю ту серию сессии, которая совпала с разбирательством ритуального дела, то оказалось бы, что все они так же резко отличаются от среднего состава, и норма вновь восстанавливается по окончании этой серии. Это, конечно, легко проверить. <...>

Как бы то ни было, данный состав присяжных заседателей скоро сегодня получит поставленные судом вопросы и удалится для своего совещания. Слово этих скромных, серых деревенских людей телеграф разнесет по всему миру.

Вопрос стоит так: признают ли они при наличии указанной "случайности" существование ритуала, или даже при таких условиях они его отвергнут?

Мне невольно вспоминается другой состав присяжных, тоже по ритуальному делу и тоже очень серых, гораздо более серых, чем теперешние киевские присяжные. Они судили мултанцев ⁷.

Два полуинтеллигентных человека и 10 мужиков. Правда, там были коренные мужики с предрассудками деревни, но и с крепкой, нетронутой деревенской совестью. Здесь пригороде и деревня киевская, в которой нередки отделения союзов русского народа, разъедающая агитация и националистская демагогия. И там два первых состава присяжных вынесли обвинительные приговоры, имея дело с вопиюще искаженным следственным и судебным материалом, но они не колебались, когда завеса была приподнята.

Дело Бейлиса тоже искажено ложным направлением следствия, но и оно стало ясно после суда и речей защиты. В своей реплике сегодня прокурор уже не аргументировал. Вся его речь была страстным демагогическим воззванием к чувствам племенной ненависти и вражды.

Этим подчеркнуты ожидания, какие обвинение возлагает на этот состав присяжных.

Оправдаются ли они, трудно быть пророком при таких сложных обстоятельствах и не имея уверенности, до каких пределов могли доходить "случайности". Я лично не теряю надежды, что луч народного здравого смысла и народной совести пробьется даже сквозь эти туманы, так густо затянувшие в данную минуту горизонт русского правосудия.

⁶ Короленко присутствовал на суде в качестве журналиста, опубликовав серию статей. Данная статья была конфискована, а Короленко привлечен к судебной ответственности. Процесс над ним несколько раз откладывался и в итоге был отменен революцией 1917 года.

⁷ Речь идёт о ещё одном деле с обвинением в ритуальном убийстве. Обвинялись удмурты из села Мултан Вятской губ. Тогда (1892–1896) главным заступником несправедливо обвинённых выступил В. Г. Короленко, по инициативе которого дело дважды отправлялось на пересмотр в связи с нарушениями процессуального порядка; в итоге заведомо ложное обвинение потерпело поражение.

Правда, испытание, которому оно подвергнуто на глазах у всего мира, тяжелое, и если присяжные выйдут из него с честью, это будет значить, что нет уже на Руси таких условий, при которых можно вырвать у народной совести ритуальное обвинение.

Короленко В. Г.
Присяжные ответили...

Октябрь 1913

Среди величайшего напряжения заканчивается дело Бейлиса. Мимо суда прекращено всякое движение. Не пропускаются даже вагоны трамвая. На улицах – наряды конной и пешей полиции. На четыре часа в Софийском соборе назначена с участием архиерея панихида по убиенному младенце Андриюше Ющинском. В перспективе улицы, на которой находится суд, густо чернеет пятно народа у стен Софийского собора. Кое-где над толпой вспыхивают факелы. Сумерки спускаются среди тягостного волнения.

Становится известно, что председательское резюме резко и определенно обвинительное. После протеста защиты председатель решает дополнить свое резюме, но Замысловский возражает, и председатель отказывается. Присяжные ушли под впечатлением односторонней речи. Настроение в суде еще более напрягается, передаваясь и городу.

Около шести часов стремительно выбегают репортеры. Разносится молнией известие, что Бейлис оправдан. Внезапно физиономия улиц меняется. Виднеются многочисленные кучки народа, поздравляющие друг друга. Русские и евреи сливаются в общей радости. Погромное пятно у собора сразу теряет свое мрачное значение. Кошмары тускнеют. Исключительность состава присяжных еще подчеркивает значение оправдания.

Короленко В.Г. Избранные произведения. М., 1948.
http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/BEYLIS_2.HTM
(Проект: Vivos Voco!)